

Слово о друге и брате

Сегодня ветеран юстиции, инвалид ВОВ Изгилик Нурмагамбетулы ДАБАЕВ рассказывает о своем фронтовом друге, поэте Касыме Аманжолове.

Алипа УТЕШЕВА

На фронтах Великой Отечественной войны в одной воинской части вместе со мной сражались Жармухамбет Мирманов - в прошлом Народный комиссар мясо-молочной промышленности Казахской ССР; Тoleген Альшимбаев - в прошлом первый секретарь райкома партии в Шымкентской области, а в 1918 году - воин отряда Чрезвычайного военного Комиссара Степного края Алиби Джангильдина; Муса Шанкович Садыбеков, полковник, командир дивизии, после войны - министр обороны Казахской ССР и многие другие.

В 1944 году в середине июля в батальон, где я был заместителем командира части, прибыл худощавый, среднего роста энергичный и, сразу видно, подготовленный, грамотный молодой командир. Это был Касым Аманжолов, казахский поэт, впоследствии удостоенный эпитета выдающийся.

Расскажу о том, как он умел заражать своим оптимизмом и верой в победу окружающих, в частности, на собрании коммунистов дивизии. Начальник политотдела дивизии подполковник Р. Альпин, в прошлом секретарь ЦК Компартии Татарской АССР, сделал доклад «О положении на фронтах войны, о боевой, политической подготовке воинов дивизии». Выступили также Александр Кепов, ленинградец, поэт и писатель, редактор газеты дивизии «В бой за Родину»; И. В. Огурцов, С. Кашкаров, М. Сапаргалиев - пулеметчик из Саратовской области.

Настал черед Касыма Аманжолова. Он сказал без лишнего пафоса и в то же время пламенно: «Товарищи коммунисты, наши воины гибнут, но сражаются упорно, проявляя мужество и отвагу, освобождая нашу страну и Европу от гитлеровской чумы. Сталин не зря утверждал: «Недалек тот день, когда будет праздник на нашей улице. Мы уничтожим фашистского зверя в его собственной берлоге». Мы победим во имя спасения человечества! В заключение Аманжолов сказал: «Место коммуниста, политработника - не там, где кипит котел, а там, где кипит бой: будьте на переднем крае этой борьбы, показывайте пример непоказушного героизма и стойкости!»

Что-то в его речи или интонации было такое, что задело коммунистов за живое - думаю, в этих простых словах звучала живая вера в победу, которая, как хлеб, нужна была солдатам. Зал аплодировал гораздо более горячо, чем предыдущим ораторам. Кто-то из солдат-коммунистов с галерки крикнул: «Даешь жару, казахский поэт!»

В части Аманжолова уважали, особенно ценил его как политрука начальник Политотдела дивизии Рафик Альпин. Искренние отношения связывали его с ленинградцем Александром Кеповым. При этом Аманжолов позиционировал, как сейчас выражаются, себя вольно, независимо, словно он как минимум представитель Ставки Верховного командования. Мне он временами на правах старшего бросал: Изгилик, организуй встречу с тем-то и с тем-то - почему-то он эти дни ходит подавленный, так воевать не годится; а то и обед прикажет ему принести в штаб, если бывал занят чем-то. Эти поручения Касым-ага я выполнял безоговорочно, как предписывают наши вековые казахские традиции: меньший должен уважать старшего. Это «верховенство» Закона Степи - отнюдь не закона царей или президентов - во многом обеспечивало прогресс и множество достижений кочевой цивили-

зации в войне. Этот дух мы искренне старались вместить в наши часто писанные по ночам, под светом фонаря безыскусные, как я теперь их оцениваю, статьи, очерки о жизни и подвигах солдат, о положении на фронтах.

За несколько месяцев до конца войны Касым Аманжолов покинул воинскую часть по состоянию здоровья, так как был не раз ранен. Я встретил Победу в Берлине, демобилизовался в конце 1945 года. Таким образом мы с ним разошлись в 1945 году.

2 октября 1947 года я, будучи студентом юрфака МГУ, следовал по ул. Маховая до станции метро «Охотный ряд», вдруг около гостиницы «Москва» неожиданно встретил своего фронтового брата Касыма Аманжолова. Я тогда учился в МГУ. Мы кинулись в объятия друг друга так, словно оба вернулись с того света. Сегодня не принято, не модно что ли так открыто выражать свои эмоции, но мы не стеснялись своих чувств - это поймет только тот, кто выжил, пройдя все круги ада Второй мировой. Не разная объятий, на что, кстати, не обращали внимания окружающие, так как примерно также вели себя бывшие фронтовики, мы вспоминали товарищей по окопам и траншеям Великой Отечественной, погибших и уцелевших. И такими дорогами с высоты мирного времени оказались наши военные страдания: то, например, как укрывшись слоем снега, грели друга в ночь наступления, или то, как всегда голодные, уступали друг другу остатки варева из общего котелка. Странно все-таки устроен человек: годы, полные сытости и благополучия пролетают у него незаметно, а дни лишений, перенесенные трудно, но с достоинством, складывают в драгоценную копилку своей памяти...

Итак, вдоволь потискав друг друга в дружеских объятиях, мы с Касымом направили стопы в ресторан при гостинице «Москва», и проникли в его гудящие недра со стороны Кремля.

У входа на первом этаже хорошо запомнил почему-то молодую женщину в кокетливой шляпке, лицо которой было загадочно полузакрыто черной вуалью. Она стояла у дверей ресторана с яблоками в небольшой корзинке и, завидев нас, обратилась к Аманжолову, протягивая яркие плоды. «Угощайтесь, яблочки очень вкусные», - с чувством адресовала она свое предложение Касыму - словно меня, как говорится, рядом не стояло. Я выпрямился, стараясь обратить на себя внимание красивой женщины, но Касым-ага дернул меня за руку, на ходу бросил «спасибо» и как-то по-ловому ловко проскользнул мимо швейцара в недра гудящего ресторана.

По своей молодости - Касым старше меня - и наивности я сказал: «Касеке, эта женщина тебя явно знает, а зачем мы от нее убежали?» Аманжолов снисходительно похлопал меня по плечу: «Впервые вижу эту фатовую бабочку. Просто она увидела не меня, а мое хорошее пальто, а с тебя что взять - выцветшую фронтовую английскую шинель? У них глаз наметан, да и я не прост, как объект для «захвата».

Это был, надо сказать, полезный урок для меня, первокурсника МГУ, как говорится, не нюхавшего еще пороха по части женских хитростей. Тем более, что послевоенная Москва, несмотря на царивший в ней дух великой Победы, кишела разномастными аферистами и цвела разного рода пороками.

За столом в ресторане Аманжолов ска-

завления от женщины легкого поведения я позволил себе вслух вульгарно развязно предположить: «Почему, интересно, Ауэзов не хочет с нами встретиться сегодня? Может, он сейчас задушевно беседует с обаятельной москвичкой о том, как создавалась эпопея об Абае?» На что Аманжолов показал мне свой увесистый кулак.

Касым Аманжолов на следующий день поехал в г. Баку на торжества Низами. «Касеке, почему он вам сказал «веди себя достойно»? - поинтересовался я, когда мы вышли от писателя. «Наверное, потому что мы, писатели, иногда, встречая красивых женщин, теряем равновесие. Вот от этого предостерегал меня Муха».

Так, благодаря Касыму Аманжолову, я познакомился с Мухтаром Ауэзовым и благодарен судьбе за это, несмотря на то, что наверняка оставил о себе невыигрышное впечатление.

А вот об Аманжолове у меня осталось приятное впечатление на всю мою долгую жизнь. Это человек высокого ума и широкого полета, исключительно честный и благородный. Его характеру были свойственны стойкость, упорство, решительность. В дивизии, в которой мы воевали, он пользовался большим уважением. Сам он всегда вырывался на первые линии сражений. Его, в частности, очень ценил и не раз высоко о нем отзывался начальник политотдела дивизии подполковник Р. Альпин.

Наши теплые отношения с Аманжоловым продолжались и в Алма-Ате. Жил он на частной квартире, очень скромно. Однажды я застал у него незнакомцев. «Изгилик, познакомься. Это поэты Хамит Ергалиев и Калижан Бекхожин». Правда, гости Касыма о чем-то спорили и не обращали на меня внимания. Через некоторое время их спор накалился, развился до громкой ругани, и они даже начали слегка друг друга толкать, видимо, исчерпав словесные аргументы. Как видно, в молодости эти люди были весьма темпераментными. Я ушел от греха подальше, думаю, глядишь, попаду под горячую руку, побьют ни за что.

Спустя три месяца я вновь навещил Касыма: вижу, те же уважаемые поэты мирно беседуют, пьют себе чай, похихатывая. Слава Аллаху, думаю, помирились. Позднее с видным деятелем от литературы Хамитом Ергалиевым я часто встречался у академика-композитора Ахмета Жубанова, в разных общественных местах. Также встречался с Бекхожиным и его старшим братом, журналистом Каиржаном Бекхожиным. Эти люди были достойными сынами своего народа, и, как я не раз впоследствии убеждался, настоящими патриотами. К слову, только в последние годы жизни

«Москва», здесь же разместились представители искусства и литературы республики - Ахмет Жубанов, М. Ауэзов, С. Муканов, К. Байсантова, Г. Мусрепов, Р. Багланова и многие другие. Я помогал выдавать пригласительные билеты на концерты Декады в Постпредстве Казахской ССР при Совете Министров СССР в доме № 10 по ул. Трубниковской. Желающих, и не только казахов, живших тогда в Москве, было много.

Открытие Декады состоялось в Большом зале консерватории им. П.И. Чайковского. Руководство республики представляли Ж. Шаяхметов, А. Койшигулов, И. Омаров. От советского правительства был маршал Советского Союза С. М. Буденный. Встречи и концерты в рамках Декады прошли также в Высшей партшколе при ЦК КПСС, в клубе Трехгорной фабрики, в Доме Союзов.

Вместе с Касымом Аманжоловым и со своим другом по университету, а также по фронту Утепбергеном Сагинтаевым я успел побывать на всех мероприятиях. К слову, после окончания МГУ Сагинтаев работал секретарем одного из райкомов партии, я же, как уже сообщал, в аппарате Президиума Верховного Совета Казахской ССР. Я жил на частной квартире, нанося визиты Аманжолову также на съемную квартиру. Однако я получил свою полуторку быстрее его, а он долгие годы ютился по чужим углам. Однако природного оптимизма по-прежнему не терял, собирая вокруг себя тоже неунывающую творческую молодежь.

Так вот, бывший пламенный политрук Аманжолов так бы и теснился много лет со своей семьей на съемных квадратах, пока не опубликовал в какой-то газете такое четверостишие.

«Бермесен бермей-ақ қой
биекалауды, бас пананды
Сонда да тастамаймын астанамды,
Өлеңімнің қызыумен жылытармын,
Өзімді, әйелемді жас баламды!»

Не даешь, ну и не надо мне приюта,
Все равно не брошу я своей столицы
Теплом и огнем своих виршей греть стану
Себя, жену и ребенка!»

(Подстрочный перевод)

Вот что значит сила печатного слова! Пристыженные руководители после того, как читатели принялись везде и всюду цитировать этот публичный отказ поэта от унижения, дали-таки ему небольшую квартиру.

Не могу сказать, что по сравнению с другими республиками наша проявляла надлежущую «Заботу о деятелях культуры, искусства, науки. Так, Ауэзов построил дом, что на Тулебаева уг. Курмангазы на свои средства; Абылхан Кастеев более 20 лет занимал с семьей из 11 человек квартиру площадью, около 40 кв. метров. В этом «шалаше» великий художник писал свои бессмертные творения. Уже знаменитому композитору, академику Ахмету Жубанову дали старую квартиру Каныша Сатпаева, расположенную на Виноградова-Абылай хана, где ныне находится музей композитора.

В дни празднования 90-летия Касыма Аманжолова в 2001 году газета «Заман Қазақстан» опубликовала интервью журналиста Назиры Сарсек со мной «Аманжоловтың командирі, Эбілхан Кастеевтың секретары!». В этом материале изложены мои воспоминания об Аманжолове. По ТРК «Қазақстан» главный редактор этой газеты Жумабай Шаштайулы опять же организовал мое выступление в эфире - воспоминание о поэте Касыме Аманжолове. Аманжолов подарил мне две свои книги стихов с примерно одинаковой дарственной надписью «Моему другу, брату по фронту Изгилику Дабаеву». Эти книги я берегу как живой образ поэта, воина Великой Отечественной войны, друга и брата Аманжолова Касыма Рахимжанулы. Касым Аманжолов

зации. Уверен, этот негласный закон помог и нашей общей Победе, формированию истинно человеческих дружеских отношений в пекле тяжелейших, нечеловечески испытаний в годы Второй мировой войны.

Аманжолов все время что-то записывал в своих блокнотах, ведь он, как впрочем и я, были спецкорами газеты «В бой за Родину». Редактор Александр Кепов верно ориентировал эту нашу работу на поддержание «вы-

зал: «Изгилик, в этой гостинице находится сейчас Мухтар Ауэзов, давай я тебя с ним познакомлю». Я, понятное дело, обрадовался, Касым тут же позвонил писателю, однако тот назначил встречу на завтра, 4 октября, к 11 часам пополудни. По следам свежего

Касыму Аманжолову удалось получить собственную скромную жилплощадь.

В мае 1948 года в Москве проходила Декада литературы и искусства Казахской ССР. Я нашел Аманжолова в гостинице

умер в 1955 году в расцвете творческих сил, прожив всего 44 года. После его смерти было осуществлено издание его сочинений в трех томах, в 1958 году в Москве изданы избранные стихи и поэмы поэта.

